

А. Ю. МИНАКОВ

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения в первой четверти XIX века как реакции на радикальную модернизацию, предпринятую самодержавием в XVIII – начале XIX в. Автор анализирует основные аспекты деятельности ранних русских консерваторов: их центры, идейные течения, влияние на внутреннюю политику самодержавия.

Ключевые слова: *русский консерватизм, вестернизация, галломания, национализм.*

За последние полтора десятилетия консерватизм стал вызывать повышенный общественный и академический интерес, подогреваемый политической конъюнктурой (так, на съезде в ноябре 2009 г. правящая партия «Единая Россия» провозгласила своей идеологией именно «консерватизм»). Вышли сотни статей и десятки книг, посвященных истории русского консерватизма. Однако его начальный этап, относящийся к первой четверти XIX века, слабо исследован в современной историографии. В предлагаемой статье автор постарался отразить некоторые наиболее существенные аспекты раннего русского консерватизма.

Первоначально консерватизм возник в Западной Европе в конце XVIII в. в виде реакции на философию рационализма и индивидуализма Нового времени, теорию прогресса, эксцессы Великой Французской революции, как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого. Для него были характерны признание приоритета монархического принципа правления, естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии. Одной из важнейших ценностей для консерватизма являлся культ трансцендентного начала, религии, которая, согласно воззрениям консерваторов, придавала смысл истории и жизни отдельной человеческой личности. Консерватизму также были присущи культ мощного государства, церкви, армии, семьи, то есть тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Консерваторы, как правило, выступали поборниками нравственных принципов, патриотизма и защитниками традиционной культуры.

Консерватизм при этом противостоял идеологиям, в основе которых лежали ценности прямо противоположного порядка: атеизм, мате-

риалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, рационализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, равенство, приверженность теоретическим моделям, культ личных прав и свобод, радикальных реформ и революций¹.

Русский консерватизм в первой четверти XIX в. был явлением, во многом родственным западноевропейскому консерватизму, поскольку ранние русские консерваторы разделяли основные ценности, характерные для их западноевропейских единомышленников, Ж. де Местра, Л. де Бональда, А. Мюллера и Ф. фон Баадера, ставивших своей целью защиту ценностей идеализированного средневекового общества². В то же время идейное влияние западноевропейских консерваторов на их русских единомышленников было сравнительно невелико, возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским, под воздействием сходных факторов.

Специфика русского консерватизма была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX в. стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности, проект конституционных преобразований, связанный с именем М. М. Сперанского; галломания русского дворянства; наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир (1807 г.), Отечественная война 1812 года, а также попытка создания так называемого общехристианского государства в духе деклараций Священного Союза, фактически лишившая православную церковь статуса государственной (с 1817 по 1824 гг.). Эти явления и со-

¹ Консерватизм в России и мире... С. 3-5; Гусев. 2001. Основные исследования и материалы, посвященные консерватизму, вышедшие примерно за полтора десятилетия, составляют внушительный список: Российские консерваторы...; Исторические метаморфозы консерватизма...; Репников. 1999; Гросул, Итенберг, Твардовская, Шаццло, Эймонтова. 2000; Зорин. 2001; Кирьянов. 2001; Беленький. 2001. № 4; 2002. № 1, 2, 3, 4; 2003. № 2, 3; 2004. № 1; Вишленкова. 2002; Христофоров. 2002; Российский консерватизм в литературе и общественной мысли... 2003; Консерватизм в России и мире: в 3 ч...; Российская империя...; Чернавский. 2004; Философия и социально-политические ценности консерватизма...; Кондаков. 2005; Попов. 2005; Философия и социально-политические ценности консерватизма...; Консерватизм в России и Западной Европе...; Сборник материалов научных конференций...; Против течения...; Омелянчук. 2006; Репников. 2007; Введение в проблематику российского консерватизма...; Консерватизм...; Russian Studies in History... (В данном выпуске опубликованы переводы статей А. Ю. Минакова, А. В. Репникова, И. А. Христофорова, И. В. Омелянчука, посвященные историографии русского консерватизма).

² Галкин, Рахимир. 1987; Фадеева. 1991; Она же. 1992; Федорова. 1996.

бытия последовательно интерпретировались русскими консерваторами как угроза, ведущая к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т.д. Процессы модернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить традиционные ценности³.

Несмотря на радикальную галлофобию, присущую многим русским консерваторам начала XIX в., одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в масонских ложах (членами масонских лож некоторое время были Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Л. Магницкий, видным масоном был Д. П. Рунич), и западноевропейских университетах (образование в них в той или мере получили Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, А. С. Стурдза), впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, хорошо знакомой с работами ведущих идеологов того времени: Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера. Следует отметить также непосредственное влияние на складывание русского консерватизма со стороны французских роялистов-католиков. Без наличия этого тонкого слоя европейски образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же проходило бы в других формах.

Наибольшую роль в первые десятилетия XIX в. в складывающемся консервативном течении играли такие фигуры, как Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Н. Карамзин, С. Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза, Д. П. Рунич, митрополиты Иннокентий (Смирнов) и Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спаский). Основными идейными и политическими центрами раннего русского консерватизма были «Беседа любителей русского слова», созданная Шишковым и Державиным, журналы «Вестник Европы» (ред. Н. М. Карамзин) и «Русский вестник» С. Н. Глинки, тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. К ним примыкали Российская Академия (в целом являвшаяся опорой шишковистов), двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны, фактически выполнявший функции своего рода «консервативного министерства культуры», объединение московских

³ Минаков. 2005а. С. 7-8.

масонов-розенкрейцеров (среди них выделялись фигуры И. А. Поздеева и П. И. Голеницева-Кутузова). Значительный резонанс имела светская проповедь в столичных салонах Ж. де Местра. Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и кружков. Тем не менее, консервативное направление в целом оформилось и смогло существенно повлиять на политику самодержавной власти, начиная с 20-х гг. XIX в. Будучи хорошо, а, порой, и блестяще знакомы с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, ранние русские консерваторы создали развитую, изощренную в понятийном отношении систему взглядов.

Первыми в конце XVIII в. возникли течения светского консерватизма⁴, поначалу сравнительно мало связанные с православной церковью, ставящие своей целью борьбу с галломанией и отстаивание устоев традиционного общества, таких как самодержавие, крепостное право, сословные привилегии и т.д. Воззрения консерваторов охватывали широкий спектр общественно значимых вопросов: национальное образование, характер подлинно самодержавной власти, отношения церкви и государства, вопросы цензуры, «русское право», самобытная национальная культура (опирающаяся, прежде всего, на определенные языковые традиции), сословный вопрос, университетская политика, вопросы внешней политики и т.д. Консерваторы старались исключить из преподавания в русских университетах рационалистическую философию и естественное право, как дисциплин, подрывающих основы самодержавной власти и православной веры, превратили идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно предложив свое решение проблемы воспитания в национальном духе.

На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами»⁵. Карамзинисты ориентировались на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и поведенческие стереотипы, шишковисты же выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на традицию, восходящую к церковно-славянскому и древнерусскому литературному языку, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. При этом позиция Шишкова⁶ и шишковистов была не столь архаичной и «проигрышной», как её обычно пред-

⁴ О типологии русского консерватизма см.: Минаков. 2003. С. 26-31.

⁵ Альтишуллер. 2007.

⁶ О А. С. Шишкове см.: Альтишуллер. 2007; Он же. 2005; Мартин. 1998; Минаков. 2002б; Файнштейн. 2002; Martin. 1997.

ставляют. В своё время Ю. Н. Тынянов заметил, что Н. М. Карамзин, занимаясь созданием «Истории Государства Российского», в известной мере выполнял языковую программу Шишкова⁷. Стиль шишковских манифестов в модифицированном виде сохранялся вплоть до 1917 г., став одним из основных средств идейно-политического воздействия монархической власти на народ.

В ходе дискуссии между «шишковистами» и «карамзинистами» консерваторы «оттачивали» аргументацию против галломании, шире – западничества. Галломания значительной части русского дворянства явилась провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Франция, ее язык и культура, воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившее кровавую революцию и якобинский террор. Националистическая риторика вызвала к жизни совершенно карикатурные и вызывающие отвращение и смех образы французов, знакомые нам по лубкам 1812 года. Франция и французы представляли в сознании русских консерваторов как полная антитеза России и русским. А. С. Шишков изображал Францию как некое «зачумленное» место, страну, которую необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав от внешнего мира⁸. Одной из причин, по которой ряд консерваторов (великая княгиня Екатерина Павловна, Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин) приняли самое активное участие в устранении либерального реформатора М. М. Сперанского, было то, что он воспринимался ими как центральная фигура ненавистной русским патриотам «французской партии».

Дискуссия о «старом и новом слоге» привела к достаточно успешной попытке конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка. А. С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии⁹. Следует подчеркнуть, что этот вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М. М. Сперанского). Чрезвычайно показателен был и первоначальный

⁷ Дневник В. К. Кюхельбекера... С. 4.

⁸ Зорин. 2001. С. 250-251.

⁹ См.: Минаков. 2002а; Он же. 2002б. С. 18-19; Альтшуллер. 2007.

общественный статус А. С. Шишкова и его единомышленников – Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки. В первые годы XIX в. два первых консерватора пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, третий же, вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 г.) не играл существенной политической и общественной роли. Ситуация изменилась в 1807 г., когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806–1807 гг. русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчетливые консервативные «акценты».

Перед Отечественной войной общественный статус бывших оппозиционеров радикально изменился: по инициативе великой княгини Екатерины Павловны, обаятельной, умной и крайне честолюбивой сестры императора Александра I, являвшейся бесспорным лидером консервативной группировки при дворе, они заняли ряд важных государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I. В кадровой политике, по сути дела, произошел «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с «русской партией»: вторым по статусу человеком в империи стал А. С. Шишков, получивший после опалы М. М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным ритором-идеологом и пропагандистом Отечественной войны, поскольку именно он был автором большинства указов и манифестов к армии и народу. Генерал-губернатором Москвы, с исключительными, фактически диктаторскими, полномочиями, был назначен Ф. В. Ростопчин. Его афиши, наряду с манифестами Шишкова, стали первым опытом массового внедрения консервативно-националистической мифологии в сознание всех сословий второй столицы и ее окрестностей. Военно-политическая роль Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно он был главным «организатором» пожара Москвы, имевшего стратегическое значение, поскольку сожжение древней столицы объективно предопределило разгром Великой армии Наполеона. Эффективным и популярным пропагандистом выступил С. Н. Глинка, получивший 300 тыс. руб. (гигантскую по тем временам сумму) на издание «Русского вестника»¹⁰. В годы войны на первый план выдвинулась еще одна ключевая фигура «русской партии» – А. А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный и политический организатор¹¹. Он «исполнял долж-

¹⁰ О С. Н. Глинке см.: *Киселева*. 1981. В. 513; *Мартин*. 2004; *Володина*. 2005.

¹¹ См. новейшие работы об А. А. Аракчееве: *Федоров*. 1997; *Ячменихин*. 1997. С. 17-62; *Он же*. 2004. С. 117-128; *Он же*. 2005; *Томсинов*. 2003.

ность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны»¹² и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой невозможны были бы успешные военные действия против Наполеона¹³.

События 1812 года сыграли огромную роль в становлении русского консерватизма. В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 года, и что сам декабризм явился порождением Отечественной войны. С не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме¹⁴. Консерваторам предоставилась беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей – и это было сделано в манифестах А. С. Шишкова, статьях С. Н. Глинки в «Русском вестнике» (он, в сущности, занимался пропагандой основных идей Шишкова и Ростопчина, которые были его покровителями и авторами «Русского вестника»), «афишах» Ростопчина.

Одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального» течения оно превращается в стержневое, вытеснив представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и Александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, можно объяснить только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галлофобия) дала мощь и силу русского консерватизму. Напомним, что в этом же году одновременно были скомпрометированы и потеряли политическое влияние знаковые для либерализма первого десятилетия XIX в. фигуры М. М. Сперанского и М. Л. Магницкого.

В разгроме конституционного проекта Сперанского (1809) консерваторы сыграли решающую роль. В 1810–1820-х гг. в лоне консерватизма вызрела концепция самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Консерваторы выступили категорическими противниками ограничения самодержавия. Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность

¹² Николай Михайлович (вел кн.). 1912. С. 285.

¹³ Такова же была его роль и в кампании 1813–1814 гг. Федоров. 1997. С. 106.

¹⁴ Минаков. 2005б.

русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, на использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху. Карамзин, проделав длительную идейную эволюцию, практически полностью отошел от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX в. – трактат «О древней и новой России», содержащий вполне зрелую концепцию самодержавия, которая была воспринята в основных чертах последующими поколениями русских консерваторов, начиная с С. С. Уварова. В отличие от Шишкова и Магницкого, Карамзин был чужд масонфобии (несмотря на политические доносы на него, инициированные московскими розенкрейцерами), и отнюдь не был активным борцом с мистицизмом, идущим с Запада. Вероятно, здесь сказался его былой опыт либерализма, масонства, увлечения культурой Запада¹⁵.

Русскими консерваторами возвеличивались православная вера и церковь, противопоставляемые всем неправославным христианским конфессиям. При этом православие выступало прежде всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенская религия. Православие в воззрениях консерваторов приобрело характер идеологии, противопоставляемой модным в то время масонству, мистицизму и экуменическим утопиям. Проблемы веры приобрели во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер, что неизбежно вело к столкновению православных консерваторов с высокопоставленными мистиками и масонами, вроде министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына¹⁶.

Система православных ценностей оказала блокирующее действие на рецепцию иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии. Масонство оказалось под запретом вплоть до начала XX в. Определяющую роль в принятии этих решений сыграли представители церковного консерватизма.

Наиболее яркими и известными представителями собственно церковного консерватизма в тот период являлись митрополиты Иннокентий (Смирнов), Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спаский)¹⁷.

¹⁵ О Карамзине-консерваторе см.: Пивоваров. 1997; Лотман. 1997; Ермашов, Шириняни. 1999; Сахаров. 2001; Китаев. 2005.

¹⁶ Об А. Н. Голицыне см.: Эткинд. 1996; Фаджионатто. 2005.

¹⁷ Кондаков. 1998; Он же. 2000; Глазева. 2005.

Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями были и миряне (активными деятелями православной оппозиции были А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, писатели-«архаисты» Е. И. Станевич и С. И. Смирнов). Церковный консерватизм не был тождествен учению православной церкви, ее догматам и канонам. Это была реакция на фактический отказ самодержавной власти от православного характера Российской империи, произошедший в 1818 г. и продолжавшийся до 1824 г. Лояльность этого течения существующей монархической власти не исключала ее критики, когда, с точки зрения представителей этого направления, «попирались интересы церкви», нарушалась «чистота веры», разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений. В церковном консерватизме практически отсутствовал интерес к экономической и национальной проблематике. Попытки представителей этого направления влиять на жизнь светского общества в основном сводились к мерам запретительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма, причем последние часто приобретали в сознании церковных консерваторов «апокалипсическую» и прямо мифологическую окраску. Программа церковных консерваторов имела узко-конфессиональный характер. Церковные консерваторы выступали за отставку министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, расформирование «сугубого» министерства, запрет деятельности Библейского общества и масонских лож, введение жесткой цензуры в отношении книг, написанных с неправославных позиций, считали недопустимым перевод Библии на русский литературный язык, поскольку это подрывало сакральный характер Священного Писания и т.д.¹⁸

В русском консерватизме первой четверти XIX в. имелись и течения, связанные с масонством. Часть московских розенкрейцеров, последователи Н. И. Новикова, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм, придерживались некоторых принципов, родственных консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности. И. А. Поздеева и П. И. Голенищева-Кутузова называли не иначе как «обскурантами». Исходя из положений масонской доктрины, она признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а с их

¹⁸ См.: Кондаков. 1998.

точки зрения, лояльный подданный, если он признает государство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах они отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». Будучи антилибералами, противниками М. М. Сперанского, розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль за общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм¹⁹.

Нуждается в серьезном переосмыслении консервативное мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, связанное с именами Александра I (на определенном этапе), А. Н. Голицына, и которое обычно ассоциируется с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства»²⁰. Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь в принципе русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент²¹. Именно «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход, уже в следующее царствование, к иной идеологии.

Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу либеральную окраску (для нее было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия), это направление под влиянием событий 1819–21 гг., когда по Западной Европе прокатилась революционная волна, «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианская, консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к ужесточению цензуры, жестким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии, одобрению запрета масонских лож и т.д. Но и либеральный и консервативный варианты данного направления объективно имели

¹⁹ Минаков. 2010. С. 71-75.

²⁰ Вишленкова. 1997. С. 21-23.

²¹ Марголис, Жуковская. 1995. С. 27-40.

антицерковную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны православной оппозиции.

Существенной составляющей раннего русского консерватизма был национализм²². А. С. Шишков стал одним из первых конструировать консервативно-националистическую традицию. Национализм определенно доминировал в воззрениях Ф. В. Ростопчина. Мало рассуждая о православной вере и церкви, самодержавии, он явился одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики. В его произведениях слова «русский» и «русское» являлись ключевыми и наиболее часто повторяющимися. В консервативной мысли мифологема «русскости» зачастую жестко противопоставлялась всему не только французскому, но и западному. Название журнала С. Н. Глинки «Русский вестник» было полемически заострено против названия «Вестник Европы» Н. М. Карамзина, который до публикации «Истории государства Российского» инерционно воспринимался многими русскими консерваторами как космополит, западник, масон, галломан, бонапартист).

Даже в масонстве, которое традиционно связывают исключительно с космополитизмом, имелись носители националистических умонастроений. К таковым принадлежал Д. П. Рунич²³, осуждавший Петра I за отказ от народных традиций и привычек, «разрушение» русской национальности. Тем не менее, с точки зрения Рунича, «изуродованная» Россия, сохранившая свою самобытность, должна была преобразовать Европу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от всех других народов²⁴.

Национализм ранних русских консерваторов по своим исходным интенциям был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее. Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определенным этническим ценностям, конструировал собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого. Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно Н. М. Карамзин и С. Н. Глинка были создателями

²² Минаков. 2009. С. 12-17.

²³ О Д. П. Руниче см.: Азизова. 2004. С. 143-170; Кондаков. 2005; Петров. 1999.

²⁴ Рунич. 1909.

обобщающих трудов по русской истории. Примеры из идеализированной версии русского прошлого первоначально призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Благочестивые русские цари, патриархи и святые герои-избавители от Смуты XVII века и Суворов – постоянные фигуры в создаваемом консерваторами пантеоне. Исторический опыт для консерваторов – это опыт «выживания» в периоды жестоких кризисов и апелляция к славным воинским победам. По сути дела консерваторами начал создаваться своего рода культ светских святых, призванный преобразить русское общество в консервативно-националистическом духе. Мифологизированная таким образом русская история с тех пор стала неотъемлемым компонентом практически любой русской консервативной доктрины.

Националистическая составляющая сделала русский консерватизм малопривлекательным для полиэтничного правящего слоя и несовместимым с имперским универсализмом, который насаждался абсолютистской властью. В этом одно из объяснений, почему карьеры Шишкова и Ростопчина резко оборвались по окончании Отечественной войны 1812 г., когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. Русский консерватизм с националистической окраской использовался в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только непосредственная опасность для нее миновала. Кроме того, национализм не мог не противоречить принципу сословности. Выходом из этого положения стала интерпретация консерваторами крепостного права как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье.

В консервативной идеологии сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия могли расцениваться как носители национальных нравственно-религиозных ценностей, в отличие от подвергшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства. В рамках консервативно-националистического дискурса был задолго до славянофилов достаточно остро поставлен вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I. Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу – через «Русский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», но и к простонародью – посредством манифестов А. С. Шишкова и афиш Ф. В. Ростопчина.

Некоторые из консерваторов принципиально выступали против отмены крепостного права (А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин), мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся

в течение длительного времени опоры самодержавной государственности и часть уклада народной жизни. Оно является по сути дела формой патриархальной семьи, где помещики играют роль добрых и попечительных родителей, а крестьяне, соответственно, послушных и благодарных детей. Помещики не заинтересованы в разорении крестьян, напротив, условие процветания помещика – благополучие его крестьян.

Более сложные представления по крестьянскому вопросу имелись у консерваторов (Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза²⁵), которые прошли известную школу либерального мышления. Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в конкретной ситуации Александровского царствования они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьянства, так и дворянства, и, в конечном счете, к социальной революции. С их точки зрения, масштабная программа просвещения крестьянства являлась необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Впрочем, именно эта часть их программы, реализация которой могла бы способствовать смягчению социальных противоречий и уменьшению «издержек» Великой реформы, так и не была осуществлена правительством вплоть до начала масштабных преобразований. В целом же, можно констатировать, что воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос нередко были более умеренными и примитивными, чем у правительственных кругов, взявших курс на подготовку отмены крепостного права путем частных мер (имеется в виду реформа государственной деревни, указ об «обязанных» крестьянах и т.д.). Вообще, в чем и преуспели русские консерваторы, так это не в позитивных программах, а в объяснениях, почему крестьян в настоящий момент нельзя освобождать, а также в своих оценках негативных последствий освобождения, если оно все же произойдет²⁶. Здесь стоит отметить уникальность нереализованного проекта отмены крепостного права, разработанного Аракчеевым по распоряжению Александра I в 1818 г. Его появление было обусловлено лишь феноменальной исполнительностью Аракчеева, которого невозможно было заподозрить в симпатиях к либерализму на всем протяжении его карьеры.

Консервативно-националистические настроения и взгляды начала XIX в. объективно оказались необходимым политическим инструмен-

²⁵ Об А. С. Стурдзе см.: *Мартин*. 2005. *Парсамов*. 2004.

²⁶ О взглядах русских консерваторов первой четверти XIX в. на решение крестьянского вопроса см.: *Минаков*. 2009.

том для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского высшего общества.

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на существенные противоречия между отдельными их группировками, они смогли выработать идеологическую систему, оказавшую существенное воздействие на последующие поколения русских консерваторов. Эта система содержала все основные элементы более зрелых консервативных доктрин, отличаясь от них, пожалуй, более последовательным и органичным антилиберализмом и антидемократизмом (в воззрениях ранних русских консерваторов, к примеру, не содержится даже намек на привнесенные славянофилами в позднейший русский консерватизм идей народной монархии с всеобщим законосовещательным Земским собором, учения о «бюрократическом средостении», отделяющем царя от верноподданного народа, пристального интереса к крестьянской общине, как носительнице патриархальных ценностей и т.п.).

История становления русского консерватизма свидетельствует о прямой зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекстов. Содержание консервативной идеологии на практике оказалось довольно плюралистичным и конфликтным. Консерватизм ни в России, ни в мире никогда не представлял собой универсальную, строго очерченную систему взглядов. Однако в русском консерватизме всё же достаточно четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь, речь идет о влиянии православной религии на все стороны жизни общества – от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального напряжения и сплоченности от государства и народа. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие западноевропейской культурно-религиозной традиции (течения русского консерватизма, не имевшие антизападнического характера, никогда не были господствующими в самой консервативной среде).

Соответственно, на всех этапах развития русского консерватизма главным его течением изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм и, на определенных этапах, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского доре-

волюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные элементы указанной триады (или отгалкивалась от них)²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азизова Е. Н.* Государственная и общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича // Консерватизм в России и мире. Воронеж. 2004. Ч. 1. С. 143-170.
- Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 19-92.
- Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 448 с.
- Беленький И. Л.* Консерватизм в России XVIII – начала XX в.: (библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир. 2001. № 4. С. 245-262; 2002. № 1. С. 253-272; № 2. С. 237-242; № 3. С. 217-239.
- Введение в проблематику российского консерватизма: учеб. пособие / [Отв. ред.: Ю. Н. Солонин, Н. В. Полякова]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 414 с.
- Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 439 с.
- Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 189 с.
- Володина Т. А.* Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 142-170.
- Галкин А. А., Рахимир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. М.: Наука, 1987. 192 с.
- Глазева А. С.* Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и его роль в религиозной политике Александра I и Николая I // Консерватизм в России и Западной Европе / [Под ред. А. Ю. Минакова]. Воронеж, 2005. С. 52-67.
- Гусев В. А.* Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 235 с.
- Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисл. Ю. Н. Тынянова; ред., введ. и примеч. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. [Л.]: Прибой, 1929. 372 с.
- Ермашов Д. В., Ширинянуц А. А.* У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 239 с.

²⁷ Ср: *Карцов*. 2002. С. 55: «В целом вариации консервативного общественного идеала сводились по преимуществу к неординаковому иерархическому выстраиванию отдельных элементов базовой идеологии «Православие – Самодержавие – Народность», к несхожему между собой соподчинению культурного, государственного и национального элементов».

- Зорин А. Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: НЛЮ, 2001. 414 с.
- Исторические метаморфозы консерватизма / [Отв. ред. П. Ю. Рахшмир]. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. 247 с.
- Карцов А. С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С. 41-56.
- Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 461 с.
- Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 52-72.
- Китаев В. А. Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Под ред. А. Ю. Минакова]. Воронеж, 2005. С. 171-195.
- Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2000. 312 с.
- Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 224 с.
- Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 334 с.
- Консерватизм в России и Западной Европе: сб. науч. работ / [Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. Воронеж: Истоки, 2005. 212 с.
- Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.] / [Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч. 1. 264 с.; Ч. 2. 258 с.; Ч. 3. 222 с.
- Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. / [Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. Вып. 1. 261 с.
- Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время: сб. материалов науч. конф. / [Редкол.: Л. М. Искра и др.]. Воронеж: Истоки, 2005. 278 с.
- Консерватизм: социально-экономические учения: [сб. ст.] / [Под ред. А. Н. Бабаджаняна]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 401 с.
- Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 832 с.
- Марголис Ю. Д., Жуковская Т. Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995. С. 27-40.
- Мартин А. Александр Скарлатович Стурдза // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 308-343.
- Мартин А. «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 54-66.
- Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808–1812 гг.) // Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.]. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 85-116.
- Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитар. науки. Калининград, 2009а. Вып. 12. С. 12-17.

- Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26-31.
- Минаков А. Ю. Массонство и русский консерватизм // Российская империя в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. V Междунар науч. конф. Белгород; Чернигов, 2010. С. 71-75.
- Минаков А. Ю. Предисловие // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005а. С. 7-18.
- Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002а. Вып. 1. С. 239-253.
- Минаков А. Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005б. С. 7-17.
- Минаков А. Ю. Франкобесие // Родина. 2002б. № 8. С. 18-19.
- Минаков А. Ю. Экономические воззрения русских консерваторов первой половины XIX в. // Консерватизм: социально-экономические учения: сб. ст. СПб., 2009б. С. 77-97.
- Николай Михайлович (вел. князь). Император Александр I: опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовки гос. бумаг, 1912. Т. 1. 580 с.
- Омельяничук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Киев: МАУП, 2006. 738 с.
- Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 180 с.
- Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования. М.: Гос. изд. музей, 1999. Кн. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в., ч. 1. 281 с.; Кн. 2, ч. 2. 388 с.; Кн. 3. 518 с.
- Пивоваров Ю. С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М.: ИНИОН РАН, 1997. 316 с.
- Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 196 с.
- Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. 417 с.
- Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М.: СигналЪ, 1999. 160 с.
- Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
- Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / [Под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова]. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 472 с.
- Российские консерваторы / А. Н. Боханов [и др.]. М.: Рус. мир, 1997. 382 с.
- Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века / [Отв. ред. К. А. Кокшенева (Смолина)]. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 221 с.
- Рунич Д. П. Россия от 1633 до 1854 года. Взгляд на древний и новый ее быт: из бумаг Д. П. Рунича: с предисл. А. Титова. Ярославль: Тип. В. В. Шпеер, 1909. 29 с.

- Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула; [В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова]. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
- Сахаров А. Н.* Карамзин Николай Михайлович // *Историки России: биографии.* М., 2001. С. 82-91.
- Томсинов В. А.* Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. 429 с.
- Фадеева Т. М.* Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // Социс: Социол. исслед. 1991. № 12. С. 26-38.
- Фадеева Т. М.* У истоков идеологии европейского консерватизма // *Новая и новейшая история.* 1992. № 6. С. 57-76.
- Фаджонатто Р.* Александр Николаевич Голицын // *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия* / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 218-266.
- Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти ...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 191 с.
- Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 256 с.
- Федорова М. М.* Традиционализм как антимодернизм // *Полис: Полит. исслед.* 1996. № 2. С. 143-160.
- Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: (от истоков к современности): сб. ст. / [Отв. ред.: Ю. Н. Солонин, Н. В. Полякова]. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004–2005. Вып. 1. 2004. 321 с.; Вып. 2. 2005. 438 с.
- Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: конец 1850 – середина 1870-х гг. М.: Рус. слово, 2002. 429 с.
- Чернавский М. Ю.* Религиозно-философские основы консерватизма в России. М.: Рос. заоч. ин-т текстил. и лег. пром-сти, 2004. 188 с.
- Эткинд А.* «Умирающий Сфинкс»: круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // *Studia Slavica Finlandesica.* Helsinki, 1996. Т. 13. С. 17-46.
- Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев // *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 17-62.
- Ячменихин К. М.* «Аракчеевщина»: историографические мифы // *Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.].* Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 117-128.
- Ячменихин К. М., Соломенная Т. В.* Алексей Андреевич Аракчеев // *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия* / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 196-217.
- Martin A.* *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I.* DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.
- Russian Studies in History: [Revisiting Russian Conservatism]* / Guest Editor: V. L. Stepanov. N.-Y., 2009. Vol. 48, No. 02. 96 p.

Минаков Аркадий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки ВГУ; arkady@vmail.ru.